

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

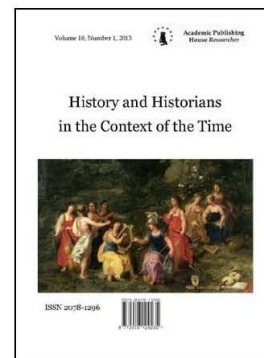
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 14, Is. 1, pp. 16-23, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.14.16

www.ejournal3.com

UDC 74.03

“Flexible Means” Employed by the Autocracy in Respect of the People’s Liberation Struggle of the Peoples of the Caucasus in the 1st Half of the 19th Century

Razhabat M. Gichibekova

Dagestan State University, Russian Federation
The Republic of Dagestan, Makhachkala, str. Mursalov, 88
specialist UMR first category
E-mail: noxeyka05@mail.ru

Abstract

This article, based on archive and other materials, describes the methods and means of gaming religious Moslem leaders in the Caucasus on purpose to discredit the standard bearers of the people’s liberation struggle and suppress that struggle. The author brings to light the contradictions within the Moslem clergy of Dagestan subsequent to the end of the people’s liberation struggle of the peoples of the Caucasus in the 2nd half of the 19th-20th centuries. The article examines the mutual relations between the Russian authorities and the Moslem clergy of the Caucasus and specific aspects of the autocracy’s religious policy in the Caucasus in the first third of the 19th century.

Keywords: Caucasus; imam; Moslem clergy; Shamil; armed struggle; kadi; Dagestan; Russian authorities; mountaineers; naib.

Введение

Понимая огромное значение Кавказа как важного военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики, российское самодержавие уделяло пристальное внимание мусульманскому вопросу в этом регионе в первой трети XIX века.

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали материалы, извлеченные из архивных фондов Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 53) и Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии Наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. №175); из *Сборников сведений о кавказских горцах* (ССКГ. Тифлис, 1868); из работ известных российских ученых и публицистов: М. Гаммера, Я. Гордина, Ф. Леонтовича, А. Ружевского, Н. Смирнова и др.; публикации кавказских мыслителей: Мухаммеда Тахир аль-Карахи, Каяева Али. Юсуфа из Акся.

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, историко-сравнительный метод позволил

проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности протекания народно-освободительной борьбы народов Кавказа в первой половине XIX века. *Метод структурного анализа* был необходим ввиду того, что изучать сложные структуры, не расчлняя их на отдельные составляющие элементы, невозможно. Поэтому он также широко использовался в работе. *Абстрактно-логический метод* дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

Обсуждение

Отношения Российской империи с миром ислама имели длительную историю, в единой и нераздельной совокупности которой сочетались экономические и геополитические интересы, потребности и проблемы внутренней и внешней политики самодержавия. Логика развития, доминировавшая в русской политике XVI-XIX вв., привела к тому, что резкое расширение границ страны на юг и на восток ввело в её состав значительные территории с обширным мусульманским населением (Поволжье, Крым, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан).

Российское правительство прекрасно понимало значение Кавказа как важного военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. Этому также способствовало и влияние международных факторов в начале XIX в.: укрепление позиций европейских государств, в первую очередь Англии и Франции, а на Ближнем и Среднем Востоке – роста прорусской ориентации ряда кавказских народов, страдавших как от междоусобиц, так и от разорительных нашествий со стороны Османской Турции и шахского Ирана [1].

С исключительной ролью религиозного элемента в жизни кавказских горцев политика царизма в отношении мусульман была осторожной и своеобразной. Правительство понимало, что ислам выгоднее поставить себе на службу, чем распространять среди исповедующих его православные каноны. Чтобы превратить ислам в свое послушное идеологическое оружие, царскому правительству необходимо было, прежде всего, ограничить мусульманское духовенство в правах и привилегиях, которыми оно пользовалось среди населения. Однако это ограничение не носило характера борьбы против мусульманской религии, а являлось средством борьбы с той частью исламской элиты, которая придерживалась протурецкой ориентации и враждебно относилась к России.

Помимо военных методов российское командование на Кавказе небезуспешно использовало так называемые «гибкие средства», значительное место в которых занимала работа с местным духовенством, всегда представлявшимся одним из главных тормозов в деле умиротворения края. Создание из религиозных деятелей оппозиции, руководящей борьбой горцев, послушных проводников имперской политики путем подкупа, заигрывания, установления пенсий и пособий являлось тем самым «гибким средством». При этом следует отметить, что народно-освободительная борьба была не только антиколониальной, она включала в себя и военные действия против мусульманской элиты и общин, которые не признали власти имамов и противились их влиянию в своих владениях. Материалы имеющихся источников свидетельствуют о том, что некоторые местные мусульманские общины находились в лагере противников имамов и, даже подчиненные им силой, нередко восставали против них.

Российское правительство не оставило без внимания тот факт, что в свое время некоторые религиозные ученые не приняли участие в движении шейха Мансура, кроме того, противодействовали ему и его повстанческой борьбе. С этого времени власти начали планомерно вести работу, направленную на превращение мусульманского кавказского «духовенства» в своих союзников, способного помочь империи скорее закрепиться в оккупированном крае. По этой причине власти пока воздерживались от преследования местных мулл, стараясь особо не ущемлять их интересы. И как свидетельствуют архивы, с этой целью «царское правительство сохранило на Кавказе в полной неприкосновенности все преимущества, которыми пользовалось мусульманское духовенство, в том числе освобождение от налогов, сборов и повинностей» [2].

Русское командование тайно входит с ними в сношения, щедро одаривает подарками и вербует их для работы против своих воинственных единоверцев. В 1805 г. инспектор пехоты на Кавказе, Астраханский военный губернатор и главнокомандующий в Грузии князь

П.Д. Цицианов в своем наставлении генералу Дель-Поццо, назначенному командовать в Большой и Малой Кабарде, пишет о необходимости «в Георгиевске и Константиногорске построить казенным коштом мечети» и далее «узнав о муллах и ахундах или их духовных, кои больше против других имеют от народа доверенность и уважение, стараться привлечь их на нашу сторону, обещая ежегодно производить тайно пенсии, доколе верными пребудут, и из таковых двух выбрать для сих двух мечетей, защищать их всеми образами от притеснений, чинимых нашими воинскими чинами» [3].

Не случайно российские власти именуют своих религиозных сторонников «духовенством», что, по сути, противоречит духу самого ислама, в котором нет деления на светское и духовное. Эта часть пророссийских мулл и кадиев не вмешивалась в «светскую» или «политическую» сферу государства, занималась сугубо религиозными вопросами и помогала самодержавию проводить свою колониальную политику на Кавказе. Власти использовали их авторитет для ослабления и даже приостановления борьбы, а также внесения раздора в среду религиозных ученых.

При создании оппозиционной когорты богословов в многонациональном крае, самодержавием учитывался и национальный момент. Российскому командованию помогали теологи, представители самых разных национальностей: Зухум-кади и Барка-кади Акушинские, Дибир-кади Аварский, Саид Араканский, Мирза-Али Ахтынский, Юсуф Аксаевский, Сулейман-Эфенди, Аюб Гази Дженгутаевский и др. Данная группа дагестанских ученых, обласканная российской властью, стала противником действий трех имамов против российского самодержавия и дагестанских феодальных владетелей. Это была так называемая «высшая» или «элитная» часть мусульман, которая ранее вступила в союз с ханами и отстаивала их политические и экономические интересы, которые отказывались внедрять в своих владениях шариат. Их деятельность была самой разнообразной: открытые выступления против восставших горцев, дискредитация лидеров движения, группирование вокруг себя единомышленников и пр. «Между тем, – как справедливо отмечает ученый Ю.У. Дадаев, – отдельные публицисты и историки, игнорируя давно и хорошо известные факты измены и продажности этих лиц, утверждают, что они «заботливо хотели отвести от дагестанцев ужасы войны» с царскими войсками» [4].

В 1819 г. генерал А.П. Ермолов отстранил неудобного ему кадия в Акушах, назначив на его место Зухума-кади, и определил ему жалование в 600 рублей в год. В письменном послании новому кадию от 23 декабря 1819 г. А.П. Ермолов пояснял ему об обязанностях даргинцев: «Вы обязаны впредь исполнять следующее: сохранять прежний образ управления и прежние обычаи без всякой перемены ... Наблюдать, чтобы во владениях даргинских не было пристанища неприятелям и изменникам России и не иметь с ними никакой связи. ...Войска собрать только для охранения своих границ, но без воли главнокомандующего не входить в чужие земли...» [5]. При этом новому кадию вменялось строго следить за порядком, объявлять обществу о новых положениях российского командования, выдать аманатов и в знак подданства каждый год представлять две тысячи баранов. В заключении, генерал призывает Зухум-кади к тому, что на его верную работу, усердие и «попечение о спокойствии и тишине» будет обращено внимание Государя Императора [6]. Внимание это акушинский кадий ощущал в течение длительного времени, заслужив его своим старанием и верностью российскому командованию.

Одним из противников вооруженной борьбы на раннем этапе выступал хунзахский кадий Нур-Мухаммад, близкий аварскому ханскому дому. Хунзахский кадий распространял среди населения воззвания о том, что имам Гази-Мухаммад действует неправильно, а его звание имама не соответствует шариату, что у мусульман уже есть имам – это турецкий султан, которому мусульмане всего мира должны подчиняться.

Ссылаясь на шариат, кадий доказывал, что мусульмане не могут иметь двух имамов и пока турецкий султан является имамом, у мусульман не может быть другого имама. «Следовательно, делает вывод священнослужитель, – имамство Гази-Мухаммада неправомочное, поскольку противоречит шариату» [7].

Среди противников народно-освободительной борьбы горцев яркой фигурой являлся знаменитый ученый и педагог Саид из аула Аракани, который был широко известен в Дагестане как ученый и пользовался большим авторитетом. Еще в 1819 г. он призвал горцев к джихаду против русских, объясняя, что защитой ислама обязаны руководить местные

мусульманские правители, в данном случае Султан-Ахмед-хан Аварский. Он также направил письмо с просьбой о помощи к турецкому султану Махмуду II [8].

Однако из этого плана ничего не вышло, и вскоре Саид смирился с властью русского правительства. По справедливому замечанию Кемпера, идея Араканского «объявить джихад под руководством аварского хана имела мало общего с более поздним движением за джихад трех имамов, возникшим в полунезависимых союзах сельских общин Дагестана, бывших давним и непримиримым противником династий местной мусульманской знати» [9]. К 1830-м гг. горская знать отошла от участия в движении горцев, приняв сторону русских, видя в них гарантию сохранения своих привилегий в борьбе с горскими обществами.

Саид «в течение нескольких лет был громоотводом в Дагестане» для разных воинственных проповедников и вредных для самодержавия «религиозных пропагандистов» [10]. Сам Ермолов писал об этом так: «Здесь в Казанище склонил я шамхала пригласить к себе Сеид-эфендия, известного ученостью и между горцами пользующегося величайшим уважением и доверенностью... Несколько раз виделся я с ним, но не иначе, как у шамхала, и в ночное время, дабы не было подозрения между горцами о знакомстве между нами, и они оставались в убеждении, что он не угождал ни одному из русских начальников. В нем нашел я человека здравомыслящего, желающего спокойствия и мне не трудно было угадать, что он не откажется быть мне полезным... Посредством шамхала я обещал доставлять Сеид-эфендию жалованье» [11].

Заслуживает внимания фигура Аслан-кади из Цудахара, личность, довольно заметная в даргинских обществах времен Кавказской войны. В начале своей политической деятельности Аслан-кади, как и многие даргинцы, не поддержал движения горцев против русских властей, «получая жалование из царской казны» [12]. Однако вскоре настроение стало меняться, и Аслан-кади принимает сторону имама Шамиля. Объяснить это можно успехами и победами последнего, которые он одержал над царскими войсками в 1840-х гг. и распространением своего влияния во многих горских обществах.

Осуждал действия Шамиля и его набов известный ученый и поэт, прекрасно разбиравшийся в математике, геометрии, алгебре, логике, философии, теологии, Мирза-Али Ахтынский. Давая оценку отношению Мирза-Али к народно-освободительной борьбе кавказских горцев, отметим, что некоторые современники, крупные алимы упрекали его в отсутствии патриотизма, сотрудничестве с российской администрацией на Кавказе, отбившимся от мусульманской религии, шариата и пр. Однако ни в одном из стихотворных произведений Мирза-Али нет конкретной упрёка в адрес имама Шамиля, хотя по его приказанию он был арестован и заточен.

Скорее всего, признавая несомненные высокие качества имама, но, не видя перспективы его борьбы, Мирза-Али оказывается на службе царскому правительству, в минуту опасности оказывается в русской крепости, затем покидает ее и оказывается в плену у Шамиля, приговор которого в отношении кадия был суров.

Враждебное отношение к борьбе горцев и их имамов проявил Юсуф из Аксая. В 1833–1834 гг. он состоял кадием мусульман Кавказско-Горского полуэскадрона Собственного Его Императорского Величества конвоя в С.-Петербурге [13], а, вернувшись в Дагестан, остался на службе у русских, которые пытались использовать в своих целях его познания в области исламского права и иных наук. Юсуф высказывался против политики в религии, но это значит только, что он был против боевой проповеди имамов Дагестана, но за другую политику, политику соглашения с самодержавием.

В борьбе с властью Шамиля Юсуф пытался опереться на мнение признанных авторитетов в области шариата. Так, в письме к улемам в Мекке он просит дать фетву относительно правомерности власти имамов в Дагестане. Однако шафиитский ученый и преподаватель медресе из Мекки Усман Ахмад ад-Димйати аш-Шафи указал в ответ, что Шамиль «служит образцом для всех сведущих улемов и следует примеру Пророка и его праведных халифов...» [14]. Таким образом, ответ для аксайского кадия был далеко не тем, который он хотел получить, а его попытка использовать против Шамиля авторитет авторитетного арабского ученого обернулся против него самого, сыграв на руку сторонникам имамата.

Любопытные сведения приводит летописец Мухаммад-Тахир ал-Карахи относительно мнения Юсуфа о Шамиле уже после окончания многолетней Кавказской войны, когда имам

со своей семьей в 1870 г. направлялся в Мекку. «Когда шейх Шамиль, – пишет ал-Карахи, – остановился в благоухающем городе [т.е. Медине], я спросил товарища, кадия Юсуфа ал-Яхсави: «Что сейчас говорят о Шамиле?» Он ответил: «А что говорят? Ничего не говорят». И далее: «Затем я слышал, а я – редактор, от тех, кто видел сына этого Юсуфа, о том, что когда Шамиль находился в Медине, где и умер, то Юсуф отказался [переменив свое мнение] от того, что говорил относительно Шамиля, раскаялся и приказал своей семье покаяться в том, что они говорили. Он признал, что Шамиль есть один из лучших людей» [15].

Нагляден пример и ашильтинского кадия, который, видимо, поддавшись уговорам аульской верхушки, сначала выступал против движения горцев, а потом раскаялся в этом. Об этом ал-Карахи писал так: «Ученый Али ал-Гульзави, кадий Ашильты, когда обнаружилось перед ним то, что было в сердцах отступников, и он узнал результаты их речей и дел, сказал жителям Ашильты: «Я раньше говорил некие слова, не подтверждая их доказательствами. Я сожалею об этом и отказываюсь от этих слов. Истинно, Шамиль создан для того, что он делает, и имеет в этом помощь от Аллаха». И он ушел к себе домой, сложив с себя обязанности кадия» [16].

Заслуживает внимания деятельность, вернее переворот, в мировоззрении известного шамилевского наиба Сулеймана-эфенди. Он был направлен имамом в Черкессию для активизации борьбы против российского влияния. Указывая на его религиозную образованность, сам Шамиль называл Сулеймана-эфенди своим братом по вере и «почтенным улемом», которого направлял в «благословенный край (Черкессию. – Авт.) для проповедования чистой веры» [17].

Действия Сулеймана-эфенди на начальном этапе своей деятельности имели определенный успех. Он «был смелее, энергичнее и решительнее, чем его предшественник», поселился в Абадзехии, собрал вокруг себя верных последователей, «судил по законам Корана, устраивал мехкеме и набирал муртазиков, проповедовал священную войну и преследовал как тех, которые вступали в общение с русскими, так и тех, которые не принимали веру Магомета или же недостаточно усердно исполняли его предписания. После того как он стал твердой ногой в Абадзехии, принялся распространять свое господство также и на другие части страны» [18]. Религиозные проповеди занимали едва ли не главное место во всех мероприятиях наиба. Они встречали поддержку у местных жителей.

Отношения между Шамилем и его наибом ухудшились в связи с неудачными действиями Сулеймана-эфенди по организации и направлении адыгского ополчения на соединение с войском имама, во время неудачного похода последнего в Кабарду в 1846 г. Опасаясь репрессий со стороны имама, наиб переходит на сторону русских. Возможно, серьезную роль здесь сыграли и кляузы, направленные Шамилю недоброжелателями Сулеймана-эфенди. «Этот факт, – отмечает кавказовед С. Мухаджиев, – стал причиной широкого распространения в историографии точки зрения, констатирующей, что Сулейман-эфенди предал Шамиля и перешел на сторону царизма» [19].

Может быть, у наиба возникли идейные разногласия с имамом, связанные с собственным толкованием некоторых религиозных положений в их совместной деятельности. В данном случае речь идет тогда об «идейной оппозиции». Возможно. Однако, по справедливому утверждению исследователя М. Гаммера «господствующая идеология военно-теократической власти имамата не допускала существования оппозиционного идейного направления. Сулейман-эфенди был сторонником консервативно-догматической традиции в исламе, не считающейся с реальным положением и специфическими условиями региона, который относился к периферии исламского мира» [20].

Отступничество Сулеймана-эфенди придало новый импульс идеологической борьбе, проводившейся кавказским наместником М.С. Воронцовым. Здесь очень важную мысль высказывает Моше Гаммер, отмечая, что «такое осуждение имама М.Воронцов сочетал с другим важным шагом – с отказом от пренебрежительного отношения к местному мусульманскому руководству, свойственного его предшественникам» [21]. В донесении царю, наместник писал: «То, как мусульмане мыслят и относятся к нам, зависит от нашего отношения к их вере не меньше, чем от событий в Дагестане» [22]. Таким образом, М.С. Воронцов взял курс на учет интересов мусульманского населения и, прежде всего его

высших сословий. Он получил одобрение царя на восстановление агаларам и бекам определенные привилегии, отобранные у них в предыдущие годы.

К верноподданным мусульманам наместник проявлял внимание и чуткость, оказывал им почести, преподносил подарки, награждал званиями. Подобными поступками М.С. Воронцов задался целью превратить дружественную мусульманскую верхушку в послушное императору дворянство, что он успешно проделал с грузинской и армянской элитой. Вот и Сулейману-эфенди, перешедшему в русский лагерь вследствие ходатайства наместника, отпускаясь «пенсия из Государственного казначейства по 1825 рублей серебром в год» [23].

В феврале 1847 г. в газете «Кавказ» был напечатан материал под названием: «Описание поступков Шамиля, противных мусульманскому шариату, которые были замечены Сулейманом-Эфендием во время его нахождения при нем. (Перевод с арабского)». В статье говорилось о том, как Сулейман-эфенди примкнул к движению Шамиля, но вскоре «находя некоторые его поступки противными священному шариату, как ученый человек, обманутый в мнении об нем», он «стал напоминать ему незаконность подобных дел, но это было ему противно», и «видя невозможность долее оставаться при нем, возвратился на родину с целью изобличить его в замеченных мною преступлениях против закона» [24].

Масса обвинений и упреков против своего бывшего имама, который «приблизил к себе», доверил ему важный и ответственный пост, несомненно являлась отработкой за свое будущее. Однако, по замечанию кавказоведа Ф.Щербины, «Шамиль был очень крупным вождем и новатором на Кавказе, чтобы его авторитет мог поколебать маленький Сельмен (Сулейман. – Авт.)» [25].

Какова же была дальнейшая судьба Сулеймана-эфенди. В 1847 г. ему было дозволено поехать в Мекку, а по возвращении – поселиться за Кубанью, при этом поддерживая отношения с российским командованием. Выписка из протокола заседания Кавказского комитета от 20 апреля 1852 г. свидетельствует, что бывший наиб Шамиля Сулейман-эфенди был убит, по другим сведениям отравлен [26].

Духовным лицам, которые по той или иной причине оказывались на стороне российской администрации, так и не удалось подорвать позиции имамов, наибов религиозных деятелей, проповедовавших военные действия. Не эффективным было и выделение российскими властями денег для тайных сношений с горцами. Причем как видно из архивных материалов – денег не жалели. В целом вся деятельность по дискредитации горского движения оказалась малопродуктивной. Руководители горцев, как большие знатоки ислама, мусульманского права, достойно парировали аргументы и суждения своих оппонентов, а отдельные религиозные деятели оппоненты борьбы горцев признавали несостоятельность своих суждений.

Заключение

Таким образом, при помощи подкупа, угроз и обещаний российскому командованию на Кавказе удалось переманить на свою сторону некоторых влиятельных мусульманских деятелей, однако существенного положительного результата это не принесло.

Примечание:

1. Блейх Н.О. Социокультурная парадигма становления просветительства на Северном Кавказе: Монография. /Под ред. докт. соц. наук, проф. Р.Э.Кесаевой, Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. С. 112.

2. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. №175. Л. 32.

3. Гордин Я. Земля и кровь. СПб., 2000. С. 81.

4. Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. Махачкала, 2006. С. 376.

5. Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Сборник документов. – Махачкала, 1959. С. 33.

6. Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Сборник документов. – Махачкала, 1959. С. 33.

7. Кавказ. 1847. 1 февраля. № 5. С. 17.

8. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. №175. Л. 2.

9. Кемпер М. Шариатский дискурс имамата ы Дагестане первой половины XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток / Ответственные редакторы и составители: А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010. С. 81.
10. Каяев Али. Имам Гази-мухаммад. Толковый словарь, рукопись (собрание И.Каяева). С. 109.
11. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991. С. 395.
12. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. I. С. 138.
13. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2006. С. 188.
14. РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 53. Л.1.
15. Мухаммед Тахир аль-Карахи. Три имама. Махачкала, 1990. С. 79.
16. Мусахаджиев С.Х. Исламский узел Кавказкой войны. Идеологические и политические аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Майкоп, 2006. С. 26.
17. Извещение Шамиля улемам, шейхам, хаджиям, большим и малым, благородному и простому классу обществ Кабарды, Абадзехов, Немиргой (Темиргой), Мохот и Убых в сентябре 1845г. // АКАК. Т.Х. С. 418.
18. Кемпер М. Шариатский дискурс имамата в Дагестане первой половины XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток / Ответственные редакторы и составители: А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010. С. 52.
19. Мусахаджиев С.Х. Исламский узел Кавказкой войны. Идеологические и политические аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Майкоп, 2006. С. 385.
20. Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 247.
21. Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 247.
22. Ружевский А.А. 1845 г. на Кавказе // КС. Т.VI. Тифлис, 1882. С. 385.
23. РГИА.Ф. 1268. Оп. 2. Д. 53. Л. 16.
24. Кавказ. 1847. 1 февраля. № 5. С. 18.
25. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. I. С. 541.
26. РГИА.Ф. 1268. Оп. 2. Д. 53. Л. 15.

References:

1. Bleich N. About. Socio-cultural paradigm of development education in the North Caucasus: the Monography. /Under the editorship of Prof. SOC. Sciences, Professor R. E. Kesaeva, Vladikavkaz: Publishing house of the SOG, 2009. S. 112.
2. RF END CENTER OF RAS. F. 16. Op. 1. No. 175. L. 32.
3. Gordin Ya. Earth and blood. SPb., 2000. S. 81.
4. Dadaev Y.U. The State Of Shamil. Socio-economic status, legal-political and military-administrative management system. Makhachkala, 2006. S. 376.
5. The movement of the mountaineers of the North-Eastern Caucasus in 20-50 years. XIX century Collection of documents. Makhachkala, 1959. С. 33.
6. The movement of the mountaineers of the North-Eastern Caucasus in 20-50 years. XIX century Collection of documents. Makhachkala, 1959. С. 33.
7. The Caucasus. 1847. on 1 February. No. 5. С. 17.
8. RF END CENTER OF RAS. F. 16. Op. 1. No. 175. L. 2.
9. Kemper M. Sharia discourse of Imamat s Dagestan first half of the XIX century // Dagestan and the Muslim East / Responsible editors and authors: A.K. University, C.O. Bobrovnikov. М., 2010. S. 81.
10. Kaew Ali. Imam Ghazi Muhammad. Explanatory dictionary of the manuscript (collection And. kaeva). S. 109.
11. Notes A. P. Yermolov 1798-1826. - М., 1991. S. 395.
12. Leontovich F. I. the ADATs Caucasian mountaineers. Odessa, 1882. Vol. I. S. 138.

13. Caucasian war: the national-liberation struggle of the mountaineers of the Northern Caucasus in the 20-60-ies of the XIX century - Makhachkala: Izd-vo "Jupiter", 2006. S. 188.
14. RGIA. F. 1268. Op. 2. D. 53. L. 1.
15. Mohammed Tahir al-Karaji. Three of the Imam. Makhachkala, 1990. S. 79.
16. Mushadzhiev C.H. Islamic node Caucasian war. Ideological and political aspects of the liberation movement in the North Caucasus (the end of XVIII – first half XIX century). - Maykop, 2006. C. 26.
17. Notice Shamil the Ulema and sheikhs, hajian, large and small, noble and simple class societies of Kabarda, Abazekhov, Nabergoj (Temirgoi), Mahat and Ubykh in September g. // AAS. T. H. S. 418.
18. Kemper M. Sharia discourse of Imamats Dagestan first half of the XIX century // Dagestan and the Muslim East / Responsible editors and authors: A.K. University, C.O. Bobrovnikov. M., 2010. S. 52.
19. Mushadzhiev C.H. Islamic node Caucasian war. Ideological and political aspects of the liberation movement in the North Caucasus (the end of XVIII – first half XIX century). Maykop, 2006. S. 385.
20. The M. Gammer, Muslim resistance to the tsarist regime. The conquest of Chechnya and Dagestan. M., 1998. S. 247.
21. The M. Gammer, Muslim resistance to the tsarist regime. The conquest of Chechnya and Dagestan. M., 1998. S. 247.
22. Ruzevsky A. A. 1845 in the Caucasus // KS.- So VI. Tiflis, 1882. S. 385.
23. RGIA.F. 1268. Op. 2. D. 53. L. 16.
24. The Caucasus. 1847. on 1 February. No. 5. C. 18.
25. Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack army. Ekaterinodar, 1913. T. I. P. 541.
26. RGIA.F. 1268. Op. 2. D. 53. L. 15.

УДК 74.03

«Гибкие средства» самодержавия в отношении народно-освободительной борьбы народов Кавказа в первой половине XIX века

Ражабат Магомедкамильевна Гичибекова

Дагестанский государственный университет, Российская Федерация
Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Мурсалова, 88
специалист по УМР первой категории
E-mail: noxeuka05@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных и других материалов описываются методы и средства заигрывания с мусульманскими религиозными лидерами на Кавказе в целях дискредитации предводителей народно-освободительной борьбы и подавления этой борьбы. Раскрываются противоречия, имевшиеся в мусульманском духовенстве Дагестана после окончания народно освободительной борьбы народов Кавказа во 2-й половине XIX–XX вв. В статье рассматриваются взаимоотношения российских властей и мусульманского духовенства Кавказа, отдельные аспекты религиозной политики самодержавия на Кавказе в первой трети XIX века.

Ключевые слова: Кавказ; имам; мусульманское духовенство; Шамиль; вооруженная борьба; кадий; Дагестан; российские власти; горцы; наиб.